

Ольга Морган, Татьяна Полунова

ЗНАХАРКА

Дар ценой счастья
и покоя

Ольга Морган
Татьяна Полуянова
Знахарка
Серия «Знахарка», книга 1
Серия «Славянская мистика»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73935022

*Ольга Морган, Татьяна Полуянова "Знахарка": ООО «Издательство
АСТ»; Москва; 2026
ISBN 978-5-17-182970-4*

Аннотация

Дар видеть духов передаётся по женской линии. Вместе с ним – проклятие: знахарка не может быть счастливой. Евдокия узнала это слишком рано. В семь лет её отдали в ученицы старой ведунье, в шестнадцать – едва не убили в лесу. Она похоронила жениха и наставницу и приняла дар, который делает счастье невозможным.

Ненадолго Евдокия обрела радость материнства, но односельчане потребовали избавиться от приёмного сына, заклеив его «бесовым семенем». Её вынужденный выбор разбудил то, что дремало больше века.

Первый роман цикла, основанный на подлинных обрядах и верованиях Древней Руси.

Содержание

Наследие колдуна	6
Память сердца	45
Конец ознакомительного фрагмента.	55

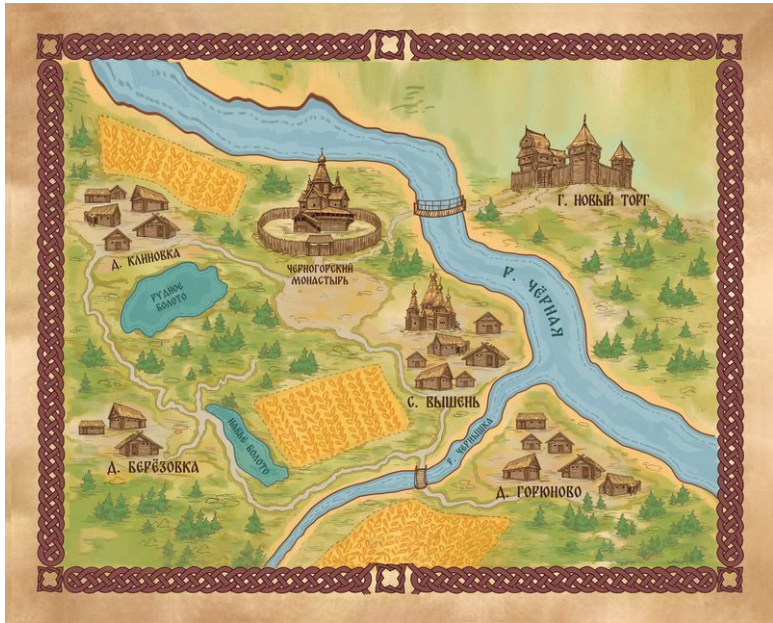
Ольга Морган, Татьяна Полуянова Знахарка

Разработка серийного оформления Екатерины Дубровской.

© Ольга Морган, Татьяна Полуянова, текст, 2026

© Юлия Миронова, иллюстрации, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Наследие колдуна

Давным-давно, в былые времена на краю дремучего леса стояла безымянная деревенька на семь дворов. В каждой избе жили мать с отцом, бабка с дедкой да без счёту ребятни, в каждом дворе стоял конь с кобылой и жеребятами, корова с нетелью да телком. А коз и поросей да уток с курами никто не считал.

В одной семье каждый год жена приносила нового ребёнка, и каждый год семья его хоронила. И мальчиков, и девочек забирала у неё лихоманка. Выжила только одна, старшая. Родители не чаяли души в доброй смышлёной девочке.

С раннего детства Милада любила бродить по лесу. Видела, как ломал ветер хрупкие стебельки весенних цветов, не успевших раскрыть солнцу бутончики-личики, как жёг мороз нежные лепестки. Жалела их, как и своих младших братьев и сестричек, которые угасли в младенчестве. Она горевала по ним пуще отца с матерью.

Когда ей было десять, один за другим преставились дед с бабкой. А ещё через год медведь задрал отца. Поехал он в лес за дровами, да только вместо дров привезли его самого, мёртвого да переломанного. Руки-ноги, как мужики подобрали с поляны да покидали в сани, так они и смёрзлись неправильно.

Остались мать с дочкой одни-одинёшеньки. Вдова да си-

ротка.

Лес, умирающий осенью, возрождался каждой весной и учил Миладу воспринимать жизнь и смерть как целое. Наставлял не сильно горевать о потерях, а больше радоваться жизни, помогать её обновлению. Подсказывал, как распознать в шорохе листьев обещание урожая, а в шуршании сосновых игл – предостережение о зимних морозах и летней засухе. Скрип старых деревьев предупреждал о людских болезнях и хворях, а луговые травы нашёптывали способы избавления от недугов.

Коль своих не было, Милада лечила чужих стариков и ребятишек. Юная знахарка помогала жизни, поправляла её ошибки и оплошности.

К двенадцати годам Милада усвоила, что с болезнями надо разговаривать, будто с живыми людьми. Теперь она знала, какими словами нужно попросить ночную криксу, чтобы покинула тельце младенца, умела так прикрикнуть на трясавицу, чтобы непрошенная гостья сама вышла вон из хворого человека.

Деревенские дети диковатую девчонку побаивались и не брали в свои игры, а взрослые пользовались её необычным даром, не особо задумываясь, откуда он к ней пришёл. Знахарка вправляла вывихи и грыжи, лечила ут́ин и сухотку, заговаривала чирьи.

Вот только мамкину тоску-печаль не могла одолеть Милада. Сильно тосковала мать по отцу. Сама не своя после его

смерти стала. Встанет и стоит на месте, смотрит вдаль пустыми глазами. А у самой корова не доена или тесто из квашни вылезло, по полу ползёт. Сядет мать на лавку и сидит дурищей, вроде пряхсть собралась, уже и лучина сгорела, а куделя целёхонька, веретено пустое.

Люди говорили, живёт где-то в дальних краях один целитель, что знается с духами, о низшем и высшем ведаёт. Предсказывать судьбы людские умеет. Любые хвори вылечить может. Только где этого целителя искать?

* * *

Бродила Милада по лугам да полянам лесным накануне Иванова дня, собирала травы, чтобы мать лечить. Напитанные Ивановой росой травы большую силу имели. Донник, кúпырь нашла Милада да сороканедужник с кровохлёбкой. А вот змеиную траву, нужную для полного сбора, чтоб мамке помочь, отыскать не удавалось. Солнце взошло, росу высушило – пора домой возвращаться.

Посреди деревни на большом камне у колодца сидел одетый в рубище старик. Старухи украдкой разглядывали странника из-за плетня. Особенное любопытство он вызывал у детей.

Тёмная кожа на лице в глубоких морщинах напоминала кору старой сосны. Седая борода закрывала грудь старика и спускалась до пояса. Костистые кисти рук перевили синие

жилы, словно корни деревьев – землю. Он держал в руке посох, и был этот посох будто продолжением костлявой руки. Сучковатую палку венчал чей-то череп, людской или зверя какого, сходу не разобрать. Он скалил длинные желтоватые зубы и глядел тёмными провалами вместо глаз.

Но особый ужас вызывало у ребятни увечье старца: левый глаз его был похож на яйцо без скорлупы; под белой плёнкой дрожало что-то жидкое. Зато правый – пронзал взглядом, твёрдым и острым.

Никто не знал, откуда пришёл странник. Никто не знал его имени. Но старик знал всё. Знал обо всех.

Когда осмелевшая детвора подошла поближе, старик пристально смотрел одним глазом на каждого ребёнка. Смотрел не на лица, а вглубь, в самое нутро, и говорил скрипучим, как у несмазанной телеги, голосом:

– Ну что, Голуба, разродилась уже твоя матушка? Помогаешь ей братца нянькать? Правильно. Привыкай, пригодится. Через десять годков у тебя самой будет трое отпрысков.

– А ты, Баламут, почто не помог батьке кобылу подковать? Поддержал бы за уздцы, приласкал, так и не лягнула бы родителя. А так помрёт твой батька в аккурат на новую луну.

– Ты, Вторак, держись от колодезя подальше. Не ровён час свёрзнешься. Вот горе мамке твоей будет. Третьего-то она не успеет родить, скинет, как со стога упадёт. Пустая останется.

Дети дивились осведомлённости чужака, который безошибочно называл их по имени, страшились его предска-

ний. Некоторых так пугал череп в навершии сучковатого посоха, что они пускались в рёв и убегали. А старик перебирал детские лица одно за другим, будто искал кого-то определённого. Наконец он заметил Миладу, которая возвращалась домой с корзиной луговых трав, да так и застыла, разглядывая незнакомца. Он поманил её длинным узловатым пальцем.

– Вот ты-то мне и нужна, девка. Со мной пойдёшь.

Старик поднялся, опираясь на посох. Милада не смутилась, глянула прямо в нацеленный на неё острый глаз и сказала:

– Это не я тебе, а ты, дедушка, мне нужен. Ты ведь и есть тот целитель, о котором люди говорят? Который всё на свете знает, обо всём ведаёт?

– Да, – ответил старец, – всё знаю, обо всём ведаю. Имя моё – Ведагор.

– Вот и пойдём, Ведагор, мамку мою лечить.

– Хорошо, девка. Вылечу твою мать. Только ведь я дорого возьму за это. Готова отдать цену, что я назову?

– А какая корысть с нас? – удивилась Милада, привыкшая лечить всю деревню задаром. – Мамка да я – вдова да сиротка. Коровёнку можем отдать, да она у нас больно тощая: сена зимой не хватило, а теперь жиру нагулять ещё не успела. Да и молока мало даёт. Стыдно такую отдавать. Ну, возьми хоть курочек... Только мамку мою обмороченную вылечи.

– Не нужна мне ваша корова, и куры ни к чему.

– А что тебе надо, бабушка?

– Да вот тебя и уведу с собой, как только мать вылечу.

– Как это меня? – ахнула Милада. – Я что – телок? Да и того надо за верёвку привязывать, чтобы не убежал.

– Привяжу тебя покрепче той верёвки, – пробормотал Ведагор. – Ну, веди уже к мамке своей.

Целитель очертил посохом круг на земле, велел матери встать в центр. Вдова стояла в круге отрешённая, словно снулая рыба. Глядела вдаль, не мигая. Лишь слегка вздрогнула, когда старик принялся лечить её напугом: хлестать чертополохом да опрыскивать пахучими зельями. Хлестал, мял да трепал вдовье тело, а она стояла недвижно, словно льняной сноп. Только пыль да костри́ка по сторонам разлеталась.

Когда закончил с матерью, обернулся к дочке, протянул руку и провёл ладонью над её головой. Зачарованная Милада выронила травы и, перешагнув через корзинку, покорно пошла вслед за ним. Только тут и отмерла мать, скинула с себя морок и закричала:

– Стой, старик! Куда ты уводишь дитя, окаянный? Не пущу!

Она вырвалась из круга и бежала за ними, путаясь в онемевших ногах.

Ведагор остановился. Обернулся и тихо, но так, что услышала вся деревня, сказал:

– Возьму её в ученицы. Раскрою её истинный дар и научу им управлять...

Мать протянула руки, открыла рот, силясь закричать, воспротивиться, но так и застыла с воздетыми к небу руками и раззявленным ртом.

Так Милада и ушла в лес, ещё не зная, что не сможет вернуться домой долгие годы. Жила у чародея в землянке, что у гнилого болота, среди старых деревьев. Кормил старик скудно, одевал в рубище. Да и сам ходил в лохмотьях.

Единственным богатством, которым он дорожил пуще собственной жизни, были древние свитки на бересте да диковинная книга с пергаментными листами. Книгу Милада видела только однажды, да и то мельком.

Он послал её как-то на реку. А когда она вышла из-под крутого берега с площадкой чистой воды, он сидел под деревом и читал эту книгу, водя длинным узловатым пальцем по рукописным буквицам и страшным картинкам. Милада затаилась, заглядывая колдуну через плечо. Увлечённый чтением, Ведагор её не почуял.

– Кто это, дедушка? – спросила Милада, показывая на поразившую её картинку. – Вроде человек, а морда у него лисья. И что он делает с голой бабой без головы? Это он откусил ей голову?

Ведагор поспешно захлопнул книгу и спрятал её в суму.

– Это пока тебе рано читать, девка.

Изредка он доставал из холщовой сумы свитки, бережно расправлял бересту и открывал Миладе значения нанесённых на ней тайных знаков. Ведагор постепенно передавал ей

своё знание, учил уму-разуму.

Но разум Милада и свой имела.

– Смотри на этих зайчат на поляне, – сказал однажды старик, сидя на пеньке. – Они глупые, прыгают, резвятся, травку щиплют. Не знают ещё, что скоро придёт засуха, посушит траву, и еды на всех не хватит. Все передохнут с голоду. А мы с тобой поправим это. Лучше пусть околеет один или два, а другие останутся жить.

– А как мы это сделаем, бабушка? – личико Милады сморщилось оттого, что вдруг ей придётся убить зайчишку своими руками. – Нет! Я не буду этого делать! – закричала она и с плачем побежала в лес.

Но убежать от колдуна было непросто. Не вставая с пенька, он протянул к ней костлявую руку, которая начала вдруг вытягиваться, расти и выросла до самого дерева, за которым спряталась Милада. Обогнув ствол, рука схватила беглянку. Корявые пальцы вцепились в косы и подтянули девчонку к себе.

– Напрасно бежишь, дурочка, к-хе, к-хе, к-хе. От меня тебе не убежать, заруби себе это на носу! – проскрипел он с жутким противным смехом и, как ни в чём не бывало, продолжил урок: – Никто тебя не заставляет марать ручки об эту падаль. Они сделают это сами. Смотри!

Ведагор поводил руками, что-то неразборчиво пробормотал, сплюнул, подул – и зайчишки, до этого мирно играющие в салочки, вдруг подскочили, как ужаленные, остервенились,

выставили в страшном оскале длинные зубы и, напав всей гурьбой на одного – будто кошки на мышь, – в одночасье загрызли его насмерть. Ещё и драться из-за добычи начали. Старик разогнал их палкой.

– Вот так вот, – сказал он, довольню потирая ладони. – Вот так мы будем управлять и людишками – вершить их судьбы. Неугодных – к ногтю, а угодных – до поры...

Милада не стала слушать дальше, её сердце разрывалось от ужаса только что разыгравшейся на полянке трагедии, из глаз ручьями лились слёзы жалости к несчастному зайке. Она гладила его шелковистую шкурку, пыталась приладить к тельцу отгрызенную голову.

– Пустое это, – сказал старик.

Он пошевелил посохом мёртвую тушку и сказал:

– Хватит реветь, иди похлёбку из него свари.

Колдун поднял голову зайца за уши и помазал кровью зубастую пасть черепа на навершии посоха, а потом стал и сам слизывать сочившуюся из заячьей головы кровь.

После того случая Милада поняла: Ведагор не простой целитель. Да и целитель ли он вообще? Сила, которой он владеет, не приносит добра. Это была власть над судьбами – тёмная и жестокая. Милада противилась жуткому учению, много раз пыталась убежать от колдуна, но невидимая верёвка, которой он привязал девочку к себе, держала крепко. Тогда она пыталась притвориться глупой, неспособной усвоить страшные уроки, но и это было напрасно. Ведагор видел её

насквозь, безошибочно угадывал её намерения и предупреждал их.

Несколько лет Милада терпела и училась через силу, спуская рукава.

Ведагор учил её слушать птиц, понимать землю, оборачиваться мышью или ящеркой, когда это было нужно для чёрных дел. Показывал приметы, которых она ещё не знала. Милада приметы запоминала, птиц слушала, а вот обращаться мышью или гадиной какой – отказывалась. Они бродили со стариком по свету, по деревням и селениям. Всё видели, за всеми наблюдали. Кому помогали, а кому и портили.

– Вон, смотри, какая семья работающая, и в доме у них порядок, и скотина сытая, и детки ухожены. А у той бабы и муж пьяница, и сама неряха малахольная, дети у них голодные, а коровёнка тощая. Кому помогать будем, как думаешь? – спросил колдун, окидывая деревню зорким взглядом единственного зрячего глаза.

– Конечно, надо помочь бедной женщине да деток её накормить, – ответила Милада, которая всегда жалела больных и обиженных и уже подбирала травы, чтобы вылечить хозяина от запоев, а хозяйку от малокровия.

– К-ха, к-ха, – засмеялся, будто закаркал колдун. – Зачем помогать лодырям? Напрасный труд это, запомни. Ты им корову подправишь, а они всё равно сена на зиму не накосят, амбары зерном не наполнят, да и корову пропьют. А дети с голоду перемерут не в эту зиму, так в следующую.

Он с силой воткнул посох в землю, три раза подпрыгнул, так что полы рубища взлетели к небесам. Потом трижды округился вокруг посоха и превратился в огромную мерзкую жабу. Спина её была изрыта кривыми бороздами с застоявшейся слизью, из которой болотными кочками торчали бородавки. Один жабий глаз закрывала беловатая плёнка, под которой колыхалось что-то жидкое, а второй вращался в глазнице, выискивая жертву. Череп на навершии посоха жадно глядел на происходящее пустыми глазницами.

– Смо-отри и учи-сь. Ква-арашо смо-отри, – проквакала жаба и, высунув длинный язык, попрыгала к тощей коровёнке, которая щипала траву за околицей. Почувяв возле себя болотную тварь, корова вскинула рогатую голову и жалобно замычала.

Жаба запрыгала вокруг коровы, ловко уворачиваясь от острых рогов. На зов кормилицы выскочили из кособокой избушки грязные тощие дети. Они подхватили хворостины, намереваясь прогнать обидчицу. Но не тут-то было. Кричали, махали прутиками, а переступить невидимую черту, которую отшлёпали вокруг бурёнки жабы лапы, ребята не сумели. А жаба подлезла под вымя и присосалась широким ртом к сосцам. Облизывала их жадным языком и громко чмокала толстыми губами.

Корова заревела, будто вымя осокой порезала или пастух кнутом ожёг. Замотала хвостом, чтобы отогнать гадину. Но жаба – не муха, её хвостом не отгонишь. Выпив молоко, опу-

стошив вымя досуха, она не остановилась, принялась высасывать кровь. Глядя на это непотребство, ребята в голос заревели. По щекам Милады текли слёзы бессилия и отчаяния.

Насытившись, жаба отвалилась и зашлёпала к посоху. Ноги у коровы подломились. Она закатила глаза и, последний раз боднув воздух, завалилась в траву. Жаба окрутилась трижды вокруг посоха и снова предстала в обличье Ведагора. Старик сыто рыгнул и, поглаживая живот, изрёк:

– Ну, вот. Коровёнку мы с тобой извели. Скоро сдохнет. А без молока и эта чумазная мелюзга зачахнет.

Долгих семь лет бродила Милада со старым чародеем по лесам, полям, деревням и весям, долгих семь лет перенимала его чёрное ремесло.

Как-то раз проходили мимо полей. В колыпании ржи Милада увидела, как танцевали, бегая по полю, невидимые для других полевые девицы. Девушки с птичьими телами перепархивали с места на место, укрывали поле лёгкими крылышками – оберегали. Рожь цвела густо, красовалась, обещая дать богатые, налитые колосья. Обрадовалась знахарка. Украдкой, чтобы не видел Ведагор, помахала птичкам рукой. Девичьи личики разулыбались, подёрнулись довольным румянцем.

Но старого колдуна провести не удалось. Милада уже и раньше замечала, что не мог он стерпеть чужую радость, достаток или изобилие.

Вот и теперь, из зависти или другой какой корысти, ста-

рик затряс над полем своим сучковатым посохом с черепом на макушке, зашептал над рожью злые слова. И тотчас пропали полевые берегинюшки, а вместо них забежали мелкие полудницы, иссушающие ржаной цвет и обламывающие стебельки. Пакостницы покрупнее – злобные ржаницы – принялись скручивать пучки стеблей, устраивать на поле заломы. За ржаницами проснулись и другие духи: выросла до самого неба житная баба, потопала толстыми ногами по полю, приминая колосья, втоптывая их в землю. А за ней пустился вдогонку житный дед с тремя головами, которые высовывали три огненных языка, готовые спалить рожь подчистую. Ветер охотно подхватывал знойные струи и разносил дальше по округе.

Милада отвернулась от осквернённого поля, которое уже занималось огнём, закуталась в платок.

– Не надо, дедушка! – взмолилась она. – Погубишь поле – погубишь людей. Перемерут все от лютого голода! Погаси огонь, пока не поздно. Ведь ты всё можешь!

– К-ха, к-ха, к-ха! – захохотал колдун. – Могу я и правда всё. Только не хочу! Пушай горит. Этого мне и нужно. Пускай все перемерут! Мёртвым хлеба не надобно! Смотри, вон они идут!

Задрожала земля, вспучилась на перекрёстке дорог, за оградой кладбища, вздыбилась в лесу над божедомкой. Проснулись и полезли отовсюду заложные мертвецы, бывшие утопленники, самоубийцы и тати, погубившие тьму на-

рода.

– Смотри, смотри! Вот наша с тобой сила! Вот наша рать, – говорил Ведагор, а его зрячий глаз светился: либо отражал пламя горящего поля, либо горел адским огнём изнутри. Милада съёжилась от страха. Но всё-таки осмелилась спросить:

– А я-то тебе зачем, дедушка? Повелевай сам своим неуспокойным войском, коли охота. Меня другое ждёт – хочу живым людям помогать.

– На что тебе эти лживые, неблагодарные людишки! Много они тебе корысти принесли? – рассердился, затопал ногами колдун. – А мы с тобой станем владеть миром!

– А я тебе на что? – повторила вопрос Милада. – Ты и сам хорошо управляешься, – сказала она и тут же отвернулась, чтобы Ведагор не заметил насмешки в её глазах.

– Старый я стал, – помолчав, с горечью сказал колдун. – Видишь – поднял мертвецов, а дальше вести не могу. Силёнки уже не те. Вот если бы ты...

– Нет! – в сердцах крикнула Милада.

Она с удивлением заметила, что и в самом деле поднявшиеся было неуспокойные мертвецы враз будто уснули на ходу и побрели, сонные, обратно к своим могилам. Убрались по-тихому, будто их и не было. Развороченная земля над ними разгладилась и обросла травой, будто никто её сто лет не тревожил.

– Надо мне силу свою тебе передать. Вижу, ты этому не

рада, но более подходящей замены найти я не смог. Полмира обошёл, а не нашёл. Нет больше ведуньи, которая сможет удержать дар такой силы, как моя. Только ты одна – моя на-дѣжа.

– Давай, дедушка, я тебе лучше глаз полечу. Будешь глядеть обоими – может, иначе мир видеть станешь, – сказала Милада и сама испугалась своей дерзости.

Как прогневаётся колдун, сотворит с ней плохое, на что до сих пор пока не решался. Заколдует на веки вечные! Страшно!

«А с другой стороны, что он может мне сделать? – задавала себе вопросы Милада. – В камень оборотить или в зверушку какую? Всё лучше, чем бродить с ним по свету, зло людям чинить...»

Колдун не прогневался, а неожиданно согласился.

– Ну давай, полечи. Вылечишь мне глаз – отпущу.

Милада приготовила настой чистотела и череды, выдавила в него три капли чесночного сока и сказала:

– Ложись, дедушка, да приготовься. Немного пощиплет, зато вскорости оздоровеет глаз твой, зрель проснётся, двумя видеть станешь.

Она капала целебное зелье на бельмо и шептала заговор:

– На море, на лукоморье, стоит дуб, на том дубу золотая кора. Под тем дубом лежат три пса. Рябый – лизь, серый – лизь, чёрный – лизь, чтобы у Ведагора зрель открылась.

Заходило ходуном под бельмом око колдуна. Того и гляди

выкатится. Но белая плёнка, которая росла на глазу не один десяток лет, держала его крепко. Глаз сидел в ней будто плод в животе беременной бабы.

– А вот мы её сейчас шиповником уколём, чесноком протрём, чистотелом умоем. Окошечку проколём, чистенько умоем, псами заморскими залижем, будет зрель словно новая, – зашептала Милада, целясь в невидящий глаз острым шипом.

Ведагор дёрнулся, в ужасе уставился зрячим глазом на шиповник и закричал громовым голосом:

– Извести меня решила, паскудница! Изыди, прочь от меня!

Милада отошла в сторонку и призадумалась: «А колдун-то шиповника испугался! Отвар чистотела стерпел, едкий чеснок сдюжил, а колючки шиповничьей испугался! Не любит, злодей, острое!»

После этого случая колдун долго глядел на Миладу одноглазым волком, скалился гнилыми зубами, но чинить ей горести и увечья не посмел. Видно было, что конец его близок, что спешил он передать свою силу новой колдунье, вот и берёт строптивую девчонку пуще глаза. Старался напичкать её знаниями да уменьями колдовскими. А коль сопротивлялась строптивица, то выходило это не так уж и быстро.

Вот проходили они как-то мимо кладбища.

– Пора тебе, девица, показать, чему научилась. Покажи, как скот будешь портить, – сказал старик и велел разрыть

могилку, вытащить из неё кость мертвеца.

Милада руки испачкала, ногти обломала, старалась подольше копаться в могильной земле: авось старик забудется, уснёт, а когда проснётся – не вспомнит о своём наказе. Ан не тут-то было. Глядел и одним зрячим глазом колдун – зорко, наблюдал за каждым движением, не получилось обмануть. Пришлось вырыть косточку, червями обглоданную, завернуть в тряпицу и нести до самой деревни. А там высмотрела Милада двор, навозом заваленный, да и сунула кость под навоз. Знала, что начнёт скот на этом дворе болеть и помирать, жалела его, но ничего поделать не могла. Правда, украдкой от колдуна, нашептала на косточку по-своему, чтобы заболел скот не до смерти, чтобы встал на ноги на третий день, когда они с чародеем уже далеко отсюда будут.

А то на жену с мужем порчу наводили они с колдуном. Пускали им под избу гадов ползучих, чтобы ненавидели хозяева друг друга, чтобы поубивали в гневном запале себя и детей своих. Жалела их Милада, пыталась разладить колдовство, вытаскивала змею за хвост из-под крыльца да откидывала в сторону, когда колдун отвернётся.

Ещё семь лет бродила Милада со стариком по деревням и весям. И ещё девять раз по семь. Исходили местные земли, бывали и в заморских странах. Повидали людей всяких: рогатых, горбатых, о двух головах, с рыбьим туловом и вовсе двуххвостых; зверьё разное, да чудищ лесных, полевых и мор-

ских, деревья и травы диковинные. На кого дивились, кому помогали, кому портили. По-всякому было. Чародей и на чужих землях колдовские приёмы перенимал, в копилку складывал да Миладу учил. Только толку с неё как с козла молока. Не хотела она скверну заморскую перенимать, домой рвалась, в родную деревню.

Всё слабее становился колдун, всё чаще поглядывал на ночное небо, сверялся со звёздами, что-то прикидывал, высчитывал. И только Миладе ничего не делалось: по годам – старуха древняя, а по виду – девка молодая в самом соку. Видно, берёт и лелеял чародей ту, кто должна стать продолжательницей его чёрных дел. Потому и повернул к дому – исполнить её прихоть решил в надежде, что и она всё правильно сделает, когда означенный час придёт. Правда, шёл старик медленно, запыхаясь и останавливаясь. Милада же, словно кобылка молодая, домой галопом неслась, торопила старика, подгоняла. Готова была и суму его тащить. Но старик суму со свитками не давал, кряхтел, да сам нёс, и посоха из рук не выпускал.

Не дошли они до дому совсем немного, две луны идти осталось. Совсем плох стал чародей. Пройдёт с версту и сидит на пеньке, отдыхает, а то и вовсе уснёт на травке.

А тут как раз серпень за половину перевалил, старая луна умерла, да новая народилась – самое подходящее время пришло для обряда. Колдун остановился на широкой поляне, велел готовиться. Ничего не ел сам и не велел есть Мила-

де. Две недели пили только воду, изнуряли плоть постничеством. А чтобы не обессилеть без еды напрочь, сам подолгу сидел у дуба, прижимался к нему немощным телом, а приемнице велел обнимать берёзу, черпать твёрдость у неё.

Пока росла луна, колдун, прислонившись спиной к дубовому стволу, читал свои свитки, сплетал воедино свою судьбу да Миладину, наколдовывал, чтобы всё гладко прошло. Милада сидела рядом, тихая и прилежная.

Наконец луна стала сытой и круглой, как масляный блин. Вот и настал день, которого Милада боялась пуще смерти, – день, когда старик должен полностью передать ей своё чёрное наследие и уйти в мир мёртвых.

Он приготовил пустую глиняную плошку, достал припасённую загодя медвежью лапу с острыми когтями и запалил костёр. Передача силы должна была произойти через смешение слюны и крови.

– Запомни хорошенько: сначала слюна, потом кровь, потом пепел. И только потом возьмёшь в руки свитки и книгу. Смотри, не перепутай. Готова? Давай, а то луна скоро на убыль пойдёт, не получится... Ну, иди же, иди ко мне...

Ведагор лежал на постели из опавших листьев, тянул к ней руки-грабли и причмокивал скользкими, похожими на пиявок губами.

Поднялся сильный ветер, почти ураган. Он крутил вихрем жёлтые листья, разгонял сосновые иголки, которые больно впивались в руки и босые ноги знахарки.

Милада стояла ни жива, ни мертва. Она никак не могла решиться даже приблизиться к полумёртвому старцу, а не то, что целовать его мерзкий слюнявый рот, из которого торчали гнилые пеньки зубов.

А потом ещё нужно будет завершить обряд, убив его медвежьим когтем в сердце, нацедить в плошку и выпить его кровь, сжечь тело и проглотить пепел, окончательно стать новой хранительницей тёмного дара.

Руки-грабли не отпускали, не позволяли отвернуться, подтягивали ближе и ближе...

Но Милада сумела увернуться, исхитрилась перевернуть ритуал. Она заранее приготовила пучок ржаной соломы, изловчилась подsunуть его под спину старику, прямо под листья, на которых он лежал. Колючие ржаные стебли ослабили чёрную силу. Милада склонилась, будто и впрямь слюну колдуна вкушать собралась. Он и сомлел, даже здоровый глаз прикрыл, ожидая поцелуя девицы. Но Милада брезгливо отвернула нежные свои губки, нарушила означенный порядок. За лапу медвежью схватилась.

Коготь в сердце чародея вонзить помогла накопленная годами лютая к нему ненависть. Со всей силушки вонзила Милада медвежий коготь, расплосовала надвое старческую грудь. Даже рёбра раздвинулись, развернулись веером, будто старый сундук пасть распахнул. А внутри сердце чернеет да всякие другие внутренности. Поганую кровь Милада нацедила, но пить не стала – бросила плошку со смрадной жижей

в огонь. Костёр обрадовался угощению, запылал веселее.

Милада достала из сумы колючки шиповника, коих запасла побольше, и с силой вонзила их в босые ноги колдуна. Вколола в пятки и в каждый невымытый палец. Пусть попробует теперь с такими ногами догнать её! Вогнала шипы и в пальцы рук – чай, не достанут теперь её руки-грабли.

В распахнутой груди ещё билось чёрное сердце, когда она столкнула тело чародея в костёр, подкинула в него ржаной соломы и осиновых веток.

Ветер радостно принялся разжигать жадное пламя, от которого повалил чёрный дым. Нестерпимо запахло горелым: палёными птичьими перьями да звериной шерстью, жареным мясом и жжёными травами. Зажимая нос от нестерпимого смрада, Милада хотела бросить в огонь и сучковатый посох старика, с которым он не расставался при жизни. Так пусть же и смерть встретят сообща!

Но посох так глубоко застрял в земле, что сил его выдернуть не хватило. Ослабела Милада за время поста. Покачала, пошатала – крючковатая палка с черепом на верхушке сидела в гнезде крепко, будто пустила цепкие корни.

Порыв ветра чуть не сбил знахарку с ног. Она оглянулась. Пламя уже подбиралось к суме с колдовскими свитками да тайной книгой. Милада выхватила суму из огня и побежала куда глаза глядят, бросая на ходу позади себя маковые зёрна: пока нечисть собирает да считает зёрнышки, она успеет убежать подальше.

Быстрее ветра мчалась Милада по лесу, подгоняемая то зловещим шёпотом, то режущим уши свистом, то леденящим душу хохотом.

Ведагор умер не сразу – его кости крутили, а плоть разрывали первобытные чёрные силы, которыми он владел. Или они владели чародеем. Кто это разобрать сможет?

Ноги и руки вздымались и падали; корчились и выворачивались колени и локти; дугой выгибалась спина; издавая жуткую вонь, горела седая борода. Голова моталась из стороны в сторону, надеясь отделиться от тулова и выскочить из костра. Но огонь не спешил расставаться со своей добычей.

Милада не видела, как лопнуло бельмо на беременном левом глазу колдуна, как разродился он струйками жёлтого гноя, которые превратились в жаб да ящериц, выскочили из огня и разбежались по лесу. Не видела она, как покачнулся воткнутый в землю посох и встал на месте ещё крепче, как блеснули адские огни в пустых глазницах черепа. Не узнала Милада, что хитрый колдун успел запечатать в посох часть своей силы и что теперь он будет ждать до скончания века – её, обманщицу, которая не оправдала его надежд, или тех людей, кто с ней связан – тех, кого она любит. Пусть только она или её родные приблизятся к этому месту. Вот он, посох, на страже. Череп на его макушке, то ли людской, то ли зверя какого, зорко смотрит по сторонам чёрными провалами глазниц.

Наконец его тело сторело, а злая душа, не получив нового вместилища, оказалась навсегда запечатанной в том лесу.

* * *

Долгое время Милада скиталась по земле, переходя из деревни в деревню, уходя всё дальше от леса, где оставила старого колдуна. Она старалась забыть о годах учения и о нём самом.

Всеми силами пыталась по дороге поправить тот вред, который она нанесла людям, полям и животным по научению Ведагора.

Там, где старый колдун призывал на поля чёрные тучи и град, уничтожавший посевы, Милада резала чёрную курицу и окропляла кровью землю – лечила от недорода. Чтобы помирить мужа и жену, которых чародей рассорил до готовности к смертоубийству, знахарка поила их отваром листьев дуба и берёзы, растущих рядышком, словно обнявшись. Семьям, которых они с Ведагором разоряли до нищеты, советовала завести в огороде красавку и поливать её молоком. Это возвращало им богатство и счастье.

Летом Милада бродила по лугам, собирала травы. А на зиму оставалась в какой-нибудь избе победнее, помогала хозяевам сладить дела.

Однажды, поселившись у бедной вдовы, помогла ей избавиться от страшного недуга.

Каждую ночь приходил к вдове нечистый в виде её почившего мужа. Требовал браги, жрал, пил и начинал куражиться. Силой брал женщину, грубо, как и тогда, когда был жив. Если отказывалась, сумела вырваться и убежала, ловил, наказывал батогами, как сноровистую кобылу, и снова сильничал.

– Боюсь его, изверга, пуще, чем живого боялась. Знаю, что помер, сгорел от пьянки, год уже, как похоронила. А он всё приходит, измывается. – Вдова плакала, показывая синяки на руках и шее.

– А людям, кому-нибудь пробовала рассказать об этом? – спросила Милада. – Они, ночные нечестивцы, ведь пуще всего боятся огласки.

– Какое там! Кому такое расскажешь? Стыдно о таком говорить. Мужа похоронила, а сама с нечистью в постели каждую ночь кувыркаюсь... Засмеют люди, закидают камнями...

– Любила мужа-то?

– Любила, матушка. Хоть и бил, но ведь коли бьёт, то и сам любит. До сих пор жалею, что ребёночка с ним не нажила. Печалюсь о ребёнке-то.

– То-то и оно. Это тоска-печаль тебя и гложет, привечает нечистого. От него и понести можешь. Родить от нечистого – вот это пострашнее будет.

– Что делать-то, матушка? – Вдова в испуге повалилась на колени, протянула руки. – Помоги!

Три дня и три ночи шептала Милада заговоры от тоски хозяйки по мёртвому мужу, закрывала на замки лазейки для нечистого, кропила отварами обережных трав углы в доме, порог и крыльцо.

– Ну, вот и всё, – весело сказала она на четвёртый день. – Спи спокойно, красавица. А ещё лучше – советую тебе – приглядишься к Черноусу, бортнику. Ведь тоже мужик вдовый, как и ты. Приветишь его – появится у тебя новый муж – не до тоски по старому будет.

– Так у Черноуса-то детей – семеро по лавкам! – боязливо воскликнула вдова.

– Ты же сама о ребёнке думаешь. А тут тебе готовые дети, большие уже, помощники. А там, глядишь, и новых нарожаёте.

Вдова призадумалась. А ближе к весне перешла жить к Черноусу, оставив свою избу Миладе. Да только не нужна была ей эта изба в чужой деревне. Как только пригрело солнышко, подхватила она суму со свитками да нехитрыми своими пожитками да и тронулась в путь.

На другую зиму остановилась Милада в избе у мужика с беременной женой. Вот-вот должна родить хозяйка. Только вместо радости – печаль на её лице прочитала Милада. Стала расспрашивать, что да как.

– Не первым ведь ребёнком ходишь, вижу. А сама бездетная. Что с другими-то ребятами случилось, старшими?

– Не первый, матушка, угадала. Седьмого ношу. Шестеро

померли. Четверо ещё в утробе, мёртвых родила, а двое – девочки-двойняшки – во младенчестве.

– Отчего померли?

– Приспала их. Во сне задавила. Не подумай, не со злого умысла. Кричали больно, день и ночь напропалую, измоталась с ними, вот и уснула крепко, во сне приспала.

– А муж что? Бьёт тебя?

– Нет, матушка, ладим с ним, муж и сам в горе великом. Столько живём, и он, и я вроде здоровые, а детишек наделать не можем.

– А сейчас что? Дай я тебя осмотрю.

Баба покорно легла на лавку.

– Всё хорошо, – сказала знахарка. – Ребёнок лежит правильно. Готовится уже выйти на белый свет. Родишь скоро. Не бойся. Помогу тебе. Сама не заметишь, как родишь. Будто по-большому сходишь.

Накануне родов Милада велела хозяину натопить баню. Вместе с хозяйкой выскоблила добела полки и лавки. Развесила под потолком пучки душицы и мяты, чабреца, зверобоя да полыни, чтобы отвадить злых духов. Трижды прочитала заговоры на благополучное разрешение от бремени.

– Видишь, в бане должно быть так же тепло, влажно и уютно, как в твоей утробе. Всё должно быть наполнено любовью. Чтобы младенец выпал из мамкиного домика в такое же безопасное место, а не в мороз, стужу и неприязнь.

– А вдруг нечисть какая его подхватит?

– А баенник на что у нас? Мы же у него в гостях. С подарками пришли. Видела, я мёду ему поставила да краюшку свежего хлеба принесла.

– Н-нет, не видела, – обиженно, словно её обманывают, ответила родиха.

Милада засмеялась.

– Так это оттого ты не видела, что сильно быстро баенник угощенье принял. Руку лохматую протянул, схватил и уволок за печку. И хорошо, что уволок. Рад, значит, что к нему обратились, и помогать будет – закроет все дыры, из которых сквозит страхами. Закроет щели, в которые могут злые духи просочиться. Да и травы помогут.

– Не знала я этого. Всех дома рожала сама прямо на койке.

– Вот видишь! Да ещё боялась, поди. Не верила, что новую жизнь сумеешь дать. Вот смертушка их и подкараулила. Они же, жизнь и смерть, как две подружки, рука об руку идут, рядышком... Неправильно это – думать о страшном. Надо думать о хорошем. И ребёночка должны принять добрые руки.

– Как у тебя? Ой! Ой-ё-ёшеньки! Что это? Почему так больно-то?! Счас обделаюсь! Ух, а прошло уже! – родиха выдохнула. – Что это было-то? И орёт уже кто-то!

Она изворачивалась, пытаясь заглянуть себе между ног.

– Лежи-лежи! – прикрикнула Милада. – А это и было. Родила ты скоренько. Быстрые, стремительные роды у тебя случились. И ребёночек славный родился. Он-то и кричит, родимый. Хорошо это. Мальчик у тебя. Сыночек. Сейчас пу-

повину обрежу и дам тебе, покормишь.

– А разве можно кормить-то сразу? Я как четверых мёртвеньких сама родила, так на пятые роды бабку Нелюбу позвала. Она двойню мою принимала. Так не велела кормить сразу, бабка-то. Говорит, молозива эта вредная сначала в грудях течёт.

– Вот и неправду твоя Нелюба сказала. Молозиво – то самое, что ребёночку и нужно. Поэтому и кричали дочки твои, что голодные были. На-ко вот, корми, мамочка, сына. Богатырём он у тебя вырастет, мамкиной защитой.

Милада оставила мать с новорождённым ребёнком в бане, а сама вышла на воздух. Под дверьми топтался хозяин, ни жив ни мёртв от бледности, коленки дрожат, бородёнка трясётся.

– Радуйся! Сын у тебя! – сказала Милада.

– Живой?

– А то как же? Конечно, живой. И долго ещё жить будет, коль не приспите дитя. В люльку его, отдельно от себя спать укладывайте. Тогда и не придавите.

– Так орать будет, титьку просить.

– А ты сам подойди. От матери-то молоком пахнет, вот он и просится к ней. А сам и не всегда есть хочет. Просто скучает. Вот и плачет, маленький. Подойди, папаша, дай ребёночку водички попить, в сухое заверни. Он и дальше спать будет.

– Да как же?... Я же мужик, руки вон к бороне привыкли,

да к топору... Как я?..

– Как-как? Ка́ком! Ты же отец! Любишь жену свою?

– Люблю.

– Вот и хорошо. И сына люби. Всё по любви делайте. И будет вам счастье.

Бескорыстно, за кусок хлеба и миску похлёбки лечила Милада жителей деревень и селений от порчи и сглаза, от лихоманки и трясавицы, заговаривала зубную боль, болезни глаз и бесплодие, принимала роды у баб, помогала телиться коровам и жеребиться кобылам.

А с наступлением весны прощалась с хозяевами и снова отправлялась в путь.

Проходя полями, она не боялась говорить ни с мелкими пакостными полудницами, ни со злыми огромными ржаницами, убирала сотворённые ими заломы, поднимала сломанные стебли и радовалась, когда они вставали на место и прирастали к отчему корню. Не боялась ни житную бабу, ни житного деда. Приносила им угощение, разговаривала ласково. Но умела и пригрозить, если вздумают на поле пал учинить.

Знала, что есть и над ними управа – могущественный дух полей Колос. Пожурила его, что навёл такую кутерьму и распустил пакостников, подольстила сдобными пирогами да брагой хмельной, надавила на жалость. Спросила:

– Великий и могучий Колос, если допустишь ты гибель пшеницы и ржи, если все поля погорят, а люди вымрут от го-

лода, над кем верховодить будешь? Ведь богатство твоё люди делают. Надеюсь на тебя и твою мудрость, великий Колос. Я буду приходить чаще, но пока меня нет, присматривать за полями будут полевые девицы. Не обижай их, великодушный Колос. Они ведь стерегут и приумножают – твоё богатство.

Ничего не ответил великий Колос, но наверняка призадумался.

Наведя порядок на поле, Милада с улыбкой приветила налетевшую стаю добрых девиц с птичьими телами и долго любовалась их танцами в красующейся ржи.

Деревни, которые она посещала, оставались после неё со здоровыми ребятишками, непьющими мужиками, дойными коровами, высокими стогами на лугах и богатыми урожаями на полях.

К древним свиткам и страшной книге с тёмными знаниями Милада не прибегала. Сжечь их не решалась, но охраняла пуще глаза, чтобы не попали в чужие руки, чтобы уберечь людей от первобытного зла. Так и носила с собой в холщовой суме, переходя от селения к селению.

* * *

Однажды на пути из одного села к другому набрела Милада в лесу на раненого охотника. Рядом валялись сломанные стрелы, окровавленный охотничий топор. Всюду видны следы кабаньих копыт. Видно, большое побоище случилось.

Охотник лежал на тропинке, истерзанный клыками дикого кабана, истекал кровью и тихо стонал в беспамятстве. Дни и ночи не отходила от него Милада, промывала раны водой из ручья, прикладывала целебные травы, поила отварами.

Ещё без сил и памяти охотник ловил её руку, прижимал к сердцу. А когда оздоровел, привёл её в своё селение. Сказал матери:

– Вот, матушка, жена моя Милада. Прошу любить и жаловать.

Стали молодые жить в его избе.

У Милады душа порхала птичкой-малиновкой, сердце трепетало, будто крылья бабочки. Она впервые не думала о старом колдуне, даже не вспоминала ни о нём, ни о делах его тёмных.

Ждала своего суженого из леса, пекла ему пироги с малиной да варила ягодные узвары – видела, любит сладкое муженёк. Выскакивала на крыльцо, как только слышит шаги. Прижималась душой и телом, вдыхала его запах.

И он любил. Говорил мало – недаром носил имя Молчан. Любил молча. Ласкал её жаркими ночами, оберегал днём, не позволял поднимать тяжёлое, следил, чтобы ела хорошо сама, не отдавала ему лучшие кусочки.

Когда Милада узнала, что носит под сердцем ребёнка, стала ещё счастливей. Думала, что сумела поменять путь, начертанный ей старым колдуном. Думала, что пришло её простое бабье счастье.

Не ведала тогда, что ребёнок начнёт забирать её силу – просто чувствовала, что слабеет силушка знахарская. Перестала она слышать шёпот Кутника за печью, с полей улетели полевые девицы с птичьими головами, и снова начали проказничать ржаницы, не всегда удавалось унять крикливцы у соседских младенчиков, заговорить чирей и то получалось не с первого раза.

Но Милада не жалела о том. Хотела простого счастья со своим милым Молчаном. Хотела родить ему своего младенчика, собственного, да не одного...

Но беда стерегла. Выжидала удобного случая. Однажды охотник не вернулся с промысла. Сжалось нутро у Милады от дурного предчувствия. Задрожали колени. Заболело внизу живота. День ждала, другой, все сроки уже вышли, а его всё нет. Переборов страх и боль, пошла искать мужа.

Свекровь не пускала, кричала вслед:

– Куды ж ты, пузатая? Не ровён час упадёшь, скинешь... Не ходи! Все пропадёте там!

Видно, чуяло материнское сердце, что плохо там, в лесу. Что сынку её не помочь уже.

Так оно и вышло. Нашла Милада мужа – поломанного медведицей, снова при смерти. Пыталась спасти, лечила травами, шептала заговоры – не помогло: её знахарские силы иссякли. А что простая баба с такими ранами сделать может? Не затягивались они, не хотели срастаться кости. Почернело тело, смердеть начало.

Молчан прошептал перед смертью:

– Оставь меня, уходи из лесу. Спасай дитя. Я тебе не говорил, есть у меня и второе имя – Неустрой. Тебя встретил – думал, вот оно счастье, справлюсь теперь, переломлю плохое имя. Но так и не сумел устроить судьбу свою, как хотел.

Сказал и испустил дух Молчан. Зарыдала, завывла волчицей Милада. Тогда и настиг её старый чародей – это была его ловушка. Громом над головой прогремел его жуткий хохот.

– Вот ты и попалась! К-ха-ха-ха! От меня не убежишь, говорил же тебе. Крепко-накрепко держит невидимая вервь – тебя и меня! – Он схватил её невидимыми руками-граблями, ударил незримой клюкой, чуть не зашиб насмерть.

Но не убил, не сумел. Удар принял на себя нерождённый ребёнок, ещё в утробе унаследовавший материнскую силу. Выставил он преграду невидимую, позволил Миладе бежать.

Она вырвалась из цепких лап злого духа, побежала между деревьями. Ветки хлестали по лицу, животу, ногам. Её преследовали хохот и крики:

– Не убежишь, всё равно достану. Не тебя, так тех, кого ты любишь... любишь... любиш-ш-шь...

Голос превратился сперва в шёпот, потом в еле слышное шипение, и всё стихло. Она вырвалась из леса. Преследование прекратилось. Упала наземь в изнеможении.

На поляне перед лесом начались преждевременные роды. Долго Милада корчилась от боли в мучительных схватках. Потерявшая целительную силу, не сумела управлять схват-

ками, как должно. Словно простая глупая баба сделалась. Всем помогавшая в родах знахарка себе помочь не смогла. Мальчик, желанный сынок её и Молчана, родился мёртвым. Ручки, ножки, тельце – всё целое у ребёночка. Головушка милая, бровки, глазки, носик. Только висит безжизненно головушка. Только не дышит, не сопит носик. Никогда не возьмёт материнскую грудь ротик, не закричит, не засмеётся. Не увидят глазки белого света. Мёртвый он.

Будто сама вместе с сыном умерла Милада. Сидела, качаясь из стороны в сторону, и не знала, как теперь жить. Она потеряла всё: мужа, ребёнка.

Снова одна.

Могла бы спасти любимого, если бы осталась сильной. Если бы не беремья...

Обламывая ногти, она выкопала голыми руками яму, уложила в неё своего мёртвого мальчика, кровиночку, завернутого в оторванный от юбки лоскут. Знала твёрдо: сын спас ей жизнь. Только вот зачем?

Когда приползла домой, спросила у свекрови, зачем второе имя Молчану дала.

– Дык заведено так. Обычай у нас такой: давать ребёнку два имени: плохое и хорошее. Плохое – сообщали всем, чтобы сберечь малыша от сглаза и порчи, а хорошее – настоящее – скрывали от посторонних.

– Ну? И какое же из двух оказалось плохое – Неустрой или Молчан? – с горечью спросила Милада.

– Плохим именем назначили Неустроя. Так и звали до пяти лет. А он не говорил до той поры. А как пять годков стукнуло, так и заговорил разом. Сказал: никакой я не Неустрой. Молчаном зовите. Так и переменяли.

– Вон оно как. Видать сработало плохое имя, да не так, как задумано было, – сказала Милада, обнимая старуху. Одно горе у них на двоих случилось: обе они, свекровь и невестка, в одночасье потеряли своих сыновей.

В глубине души Милада прекрасно понимала, что вовсе не имя виной гибели Молчана-Неустроя. Сама она эту беду породила, когда ослушалась чародея. Сама взрастила, когда огню предала его дряхлое тело, отказалась принять в себя его чёрную душу и дар колдовской. Думала, убежать смогла – навсегда освободилась, – ан нет, по-прежнему крепко держит её колдун невидимой вервью. Даже мёртвый.

Долго приходила в себя Милада. Долго не заживало разорванное в неправильных скоропостижных родах бабье нутро. Спасибо свекрови – помогала, лечила как умела. Оздоровела телом Милада. Только стала потом стареть быстро. За год постарела на все семьдесят и семь лет, что с чародеем ходила и оставалась молодой и румяной. Волосы поседели у Милады, избороздили лицо морщины, спина сгорбилась.

Жила как в дымке. Застила свет пелена. Спрашивала себя: зачем живу? И не находила ответа. Постепенно из этого зыбкого тумана начала возвращаться её знахарская сила. Снова Милада стала видеть духов деревни и полей. Снова

стала слышать Кутника. Хозяин дома шептал ей ночами:

– Живи, живи, знахарка, не для себя живи – для людей.

Вместе с возвращением знахарской силы пришло знание: любовь, семья – слабость для той, кто носит эту силу в себе.

Счастье – не для неё. Знахарка не может быть счастливой.

Но ведь и не померла она. Для чего-то осталась жить. Может, как раз для того, зачем пришла в этот мир?

* * *

Скоро до Милады стали доходить слухи: в родных местах, в лесу, где она оставила умирать колдуна, начали пропадать люди. Селяне рассказывали о странном безмолвии чащи, где не щебечут птицы, не слышно поступи зверя, но бродят чёрные тени, пожирающие охотников. Слухи о безымянной нечисти, поселившейся в сердце дремучего бора, разбудили знахарке память о чародее и сомнение, так ли хорошо сумела она запечатать древнее зло в лесной чаще.

Милада чувствовала, что в том, что пропадают люди, есть и её вина. Чародей не обрёл покоя. Не совершив до конца передачу своего тёмного дара, он стал чудовищем, которое ждёт подходящего момента, чтобы выйти из леса. Знахарка сама – в ответе за каждого исчезнувшего путника, за каждую погубленную душу.

Она поспешила вернуться домой – туда, откуда начался её путь.

Попрощалась со свекровью, обняла её крепко:

– Прости, матушка!

Долго стояли, обнявшись, две старухи, свекровь да невестка. Стояли, скреплённые общим, одним на двоих, горем.

После пришла Милада на могилку мужа. Сельчане перенесли его тело из леса. Перенесли и прикопанного на краю леса младенца. Теперь они лежали вместе: Молчан-Неустрой и сынок, не успевший обрести имя.

Слёз не было. Милада слышала голоса мужа и сына. Они наставляли её стоять на страже.

– Ваш путь завершён, – с горечью сказала она. – Спице с миром, дорогие мои. А я сделаю так, как вы просите.

Она пообещала, поклялась всеми духами, которых знала, не выпускать из лесу древнее зло, которое наделало людям столько горя. Зло, которое обожгло и саму знахарку, и её близких, сломало им судьбы. Пообещала – и ушла.

Милада вернулась в поселение, в котором родилась. Теперь, когда в каждом доме люди горевали о ком-то, сгинувшем в лесу, оно называлось Горюбново.

Родителей уже не было в живых, не было никого, кто помнил бы её девчонкой. Знахарка поселилась на краю деревни в нежилой избе. Её хозяйева, как и многие из деревни, сгинули в лесу.

Милада вычистила избу от грязи и паутины, вымыла, вы-

скоблила полы. Окропила углы и порог травяным отваром. Развесила пучки трав под потолком. Припрятала на дне сундука свитки с чёрными заговорами и колдовскую книгу с пергаментными страницами. Сверху набросила рукоделье, что осталось от прежней хозяйки.

Потом налила молока в плошку, поставила перед печью, рядом – кусок хлебушка, сказала:

– Ну что, сиротинушка, плохо тебе без хозяев? Будем теперь вместе жить-поживать. Я теперь твоей хозяйкой буду. Кормить-поить обещаю. И ты постарайся – будь мне другом: не пакости, чужих в дом не пускай, никому открывать сундук не позволяй.

Ответ она не услышала. Легла спать. Утром глянула – плошка пустая. Выпил молоко и хлебушко съел – принял новую хозяйку Кутник.

Отныне вся её жизнь была посвящена жителям Горюново. Милада замкнула деревню надёжными оберегами, закрывая древнюю нечисть в её лесной темнице. Не уставала обновлять границы заговорами.

Но для неё самой лес стал недоступен. Она это знала. Она не могла рисковать, не могла столкнуться с духом старого чародея – воплощением первобытного зла – и тем самым оставить сельчан без защиты. Его злоба сильна, месть безгранична. Погубит её – погубит всех.

Смысл её жизни теперь заключался лишь в одном – сдерживать зло до тех пор, пока она не найдёт и не вырастит пре-

емника, способного ему противостоять.

Память сердца

Аглая остановилась у кромки леса. Не переступая границу, разгребла молодую траву, пальцами подцепила из земли прогнившую деревяшку, вытянула и, не мешкая, вонзила на его место свежеструганный колышек из осины, обмотанный полынью оберег. Забормотала слова заговора. Этот ритуал она повторяла каждые несколько саженей, пока не обошла лес от края до края.

Из чрева чащи до знахарки доносился навязчивый шёпот. Если не прислушиваться, можно было спутать его с шелестом листьев, но Аглае этот шёпот был хорошо знаком. Там, за тёмными стволами, кто-то был. Она угадывала его в тенях деревьев, в шуршании трав. Она знала этот шёпот, давным-давно знала, кто шепчет и чего от неё ждёт. А ждёт он того дня, когда старая знахарка совершит ошибку. Колючий, как сухой терновник, страх скрёб в груди, выцарапывая нутро. Придёт день, когда ни заговор, ни обереги не удержат того, кто так жаждет поквитаться с ней.

Вдавлив в землю последний колышек, Аглая вытерла ладони о передник и, не оборачиваясь, пошла в сторону деревни. Спину обдало холодом.

В полях пахали и сеяли рожь горюновцы. Завидев Аглаю, мужики отрывались от работы, приветствовали, снимали шапки. Аглаю такое внимание не радовало. Да, её уважали

и ценили – очень даже ценили. Все знали истории, о том, как жили пращуры до прихода Аглаи и сколько горя натерпелись, пока она не появилась в Горюново. Было это давно, но страх бессмертен.

Вот и теперь страх перед Аглаей заставлял людей склонять головы. Если старуха в силах держать в узде ужасы из леса, то даже представить страшно, что она может сотворить с человеком, который окажется ей не угоден. Потому и боятся, потому и кланяются.

Нет в Горюново ни одного дома, в который Аглая не была вхожа. Каждую семью оберегала и холила. Каждого ребёнка, рождённого здесь, приняла в свои руки. Лечила людей от хворей, порчи и других напастей. И уходящих в мир иной провожала тоже она. Под её присмотром были и соседние деревеньки, и разрастающееся село Вышень.

С приходом Креста в их земли изменилось немного. Поначалу было больше страху и недоверия к новому Богу. Но со временем люди поняли: жить можно и с новой верой – стоит лишь принять христианские законы, смешать их со своими, привычными, и жить дальше. В Вышени поставили церквушку, а попом назначили одного из старых волхвов. Грамотного и непротивящегося жреца не сломали, а переучили по его же воле – окрестили и поставили на службу новому Богу.

Выбор пал на него неслучайно. Агав был мудрым старцем, обученным грамоте, и сил в нём ещё хватало, чтобы осво-

ить христианские писания и передать их людям. К тому же это стало наглядным примером для тех, кто упрямо отвергал новую веру: был Агав – стал Афанасий. Никто и разницы особой не заметил. Сняли с волхва белые одежды, отобрали посох, обрядили в чёрное, вручили крест. Был волхв – стал поп, батюшка.

Аглая, тогда ещё носившая имя Милада, приняла новую веру без смятений. Не видела она причин отвергать Бога, что завещал любить и прощать, не причинять вреда ближнему, не красть и не завидовать, не желать жены брата своего и чтить родителей. Правильные заповеди принёс новый Бог – по таким что не жить? Окрестил старуху Афанасий, нарёк новым именем, и дальше пошла жизнь своим чередом.

В крепкой дружбе жили Аглая и Агав многие годы, пока батюшка не помер. На смену ему пришёл другой – обученный по всем христианским канонам, но и он принял Аглаю хорошо. Да и к имени новому привыкать не пришлось: батюшку тоже звали Афанасий. А со временем он и вовсе стал походить на своего предшественника.

Время шло. Жизнь вошла в новое русло. Земля процветать стала – для крестьян то было верным знамением. Раз жизнь налаживается, значит, всё делают правильно, значит, новый Бог не так уж и плох.

Вот уже почти век прошёл с той поры: люди живут и не горюют. Пашут, сеют, детей рожают. От болезней и нечисти оберегает их знахарка, а от душевных недугов и смятения –

батюшка.

Аглая сошла с поля и заприметила: у крайней, давно пустующей избёнки, что наполовину ушла в землю, стоял конь, запряжённый гружёной телегой. За косым плетнём расхаживал высоченный, плечистый богатырь – у Аглаи язык не повернулся бы назвать такого видного хлопца просто мужиком. Истинно богатырь.

Из темноты избы выпорхнула невысокая красивая молодка. Аглая прикрыла ладонью глаза от солнца, подумав, что, может, сослепу кого-то из своих не признала. Да нет, глаз у знахарки ещё зоркий, и видно было – не местные.

Знахарка подошла ближе, окинула взглядом телегу и крикнула: из-под настила выглядывало промысловое добро да несколько добротных сундуков. «Что за богатеи пожаловали в нашу деревеньку?» – подумала она.

– Доброго здоровьица, бабушка! – поздоровалась с приветливой улыбкой молодка, выйдя из-за плетня.

– Бог в помощь, дочка! А вы чьих будете?

Со двора вышел богатырь, встал за спиной жены. Высокий, красивый, глазищи – синие омуты, волосы и борода русые, на солнце золотом переливаются. В плечах косая сажень. Сердце Аглаи дрогнуло: уж больно напоминал молодец её дорогого Молчана, которого давным-давно не сумела она уберечь от злого духа, что преследует её больше века.

– Здравия, бабушка, – поприветствовал богатырь.

Знахарка выпрямилась, спина натянулась стрункой. Голос – бархатный. Похож, похож богатырь на Молчана и видом, и поступью, и голосом. На Аглаю нахлынули воспоминания о возлюбленном охотнике: такой же был – высоченный, сгребал её в охапку, как медведь, кружил, будто бы ничего она не весила.

Только нынешний одет в добротную рубаху с богатой вышивкой по рукавам да по вороту. Не мужик – загляденье.

– Бабушка? – позвал мелодичный женский голосок.

Аглая встрепенулась.

– Ой, деточки, да призадумалась бабушка. Дык чьих будете, откуда пожаловали?

– Из Торжкова мы, там, за Чёрной речкой, верст сорок отсюда, – сказала молодка. – Меня Марьяной звать, а это муж мой Клим. Вот, перебрались к лесу ближе, муж-то промыслом живёт, а тут леса большие, малохоженые. Дом этот нашей дальней родни, только они давненько померли, а домишко остался. Мы займём, пока отстроимся... Не помешаем?

Аглая оглядела молодых, улыбнулась так, что морщинки вокруг глаз засияли солнечными лучиками, и сказала:

– Живите, деточки, на доброе здоровьица. А если болячка какая одолеет или нечистого заприметите, приходите ко мне. Я вон там живу, на самом краю деревни изба моя. Звать меня бабушка Аглая. Знахарка я тутошняя.

– Благодарствуем, бабушка. – Клим поклонился, Марьяна

последовала примеру мужа.

– Да чего уж, мы рады добрым людям, а вы, я погляжу, из добрых будете. Значится, и деревенька наша с вами только лучше станет.

Молодые заулыбались. Аглая видела их насквозь. Светлые люди, глаза ясные, а смотрят-то как с любовью друг на друга. Давно знахарка не видела таких в Горюново и чувствовала: неспроста эти двое сюда приехали. Судьба их сюда направила. А вот что она, судьба эта, для них уготовила – живы будем, поглядим.

– Ты прости нас, бабушка, что в дом не приглашаем, – вдруг сказал Клим. – С дороги только, землянка в запустении, негоже в такую разруху гостей звать.

– Да бог с вами, пойду я, а вот как домишко отстроишь для Марьяны своей, пригласи меня. По чину нужно в новом жилище заговоры да обереги сделать, чтобы никакая хворь порог переступить не смогла, никакая порча не одолела. Уразумели?

Молодые дружно кивнули. Старуха снова разулыбалась. Распрощавшись с ними, она пошла домой. Всю дорогу знахарка раздумывала о своих ощущениях после встречи с этой парой. Излучали они что-то особенное, чистое. Да и сами необыкновенные, видные.

А подойдя к дому, Аглая остановилась и задумалась: а дети-то у них где? Неужто бездетные? Вроде бы не совсем юнцы. Да и видно, что давненько вместе – добро-то какое уже

нажить успели. А может, ребяню с роднёй в родительской деревне оставили, пока на ноги вставать будут?

Чужая семья – потёмки, но только не для знахарки, прожившей на земле более двух веков.

– Нету у них никаких детей, не дал пока Бог им детишек. – Безошибочно определила она после раздумий.

* * *

Летние деньки сторали в заботах. Дни стояли тёплые, на редкость погодистые – без зноя и проливных дождей. Урожай сулил быть хорошим.

Одно не давало покоя Аглае. Выше по Чёрной речке, верстах в двадцати от Горюново, прошлым летом начали строить монастырь. И бог бы в помощь, да только место выбрали дурное – неподалёку от той поляны, где был запечатан злой дух старого колдуна. Пугало Аглаю, что слишком близко к монастырю подступал тот самый лес, деревья для стройки рубили прямо здесь.

Аглая собралась наведаться в монастырские земли, проверить, целы ли береговые границы.

– Хозяюшко, – ласково позвала она.

За печью вспыхнули два огонька – глаза.

– Отлучиться мне надобно, а ты, ежели кто недобрый в моё отсутствие пожалует да в сундук полезет, помнишь, что нужно сделать?

В очаге зашипело, заискрило и вспыхнуло пламя, обдав знахарку жаром.

– То-то же. Никому не дай вынести то, что в сундуке. Жги всё дотла, ежели надобность будет.

Пламя в очаге затухло.

Для Кутника устроить пожар – дело нескольких мгновений. Маленький домашний дух умел обращаться в жаркое пламя. Не раз он выручал знахарку с растопкой печи, когда дрова не хотели разгораться. Умел излучать и тихое, ласковое тепло. Не раз согревал опару в липовой квашне, чтобы хлеб получался пышным. Согревал и саму хозяйку, когда ныли в ненастье её натруженные кости.

Выйдя на проторенную тропинку, Аглая неспешно пошла в сторону монастыря. Дорога не обещала быть лёгкой. Старые ноги хоть и не болели, но уставали сильнее.

Через поля, со стороны леса, навстречу знахарке шагал Клим. За плечом сума, в обеих руках по лыковому кузовку, с горкой набитых крупной ягодой.

– Здорово, милоч!

– Здрава будь, бабушка. – Клим поклонился.

– Ишь, нынче ягода какая крупная! Где это ты такую набрал?

– Да не, ягода как всегда. Это я только крупную брал, а мелкой там ещё пол-леса – другим оставил.

– Ишь ты... Для Марьяшки своей, небось, старался?

Клим улыбнулся, прищулив один глаз.

– А ты, бабушка, далёко?

– Да тут недалече, к монастырю надобно.

– Ну, Бог в помощь!

– Беги, милоч, а то ягода сок даст.

Аглая перекрестила Клима и, поглядев ему в дорогу, пошла дальше.

Старая знахарка помнила, как эта земля жила вольной жизнью. Не знала над собой ни князя, ни боярина. А теперь? Прошлым годом пришёл в их край во благочестие обратившийся боярин Ефрем, что когда-то служил у самого князя, а после гибели Бориса осел здесь. Начал строить монастырь, сам же стал в нём игуменом. С того дня леса, поля и болота на двадцать вёрст вокруг объявлены монастырской вотчиной.

Людям велено дважды в год платить оброк – и они покорно смирились. Не бедствуют: земля хоть и не южная, но хлеб даёт исправно; лес густой, дичи много – куница да соболь, добывай не хочю. Реки полны рыбы. Бортничество кормит. Воск и мёд уходят купцам, а взамен в сёла приходят редкие диковины: стеклянные бусы всех цветов, ножи варяжской работы, янтарные подвески, сушёные фрукты да бочонки с тёмным заморским вином.

Знахарка остановилась, обвела взором высокий, в два человеческих роста, частокол. Из-за него доносились голоса и звуки строительных работ. Задерживаться не стала – свернула на дорожку в сторону деревеньки Клиновки и сошла к

оврагу.

Земля здесь была выбита, трава втоптана и умята в грязь. В глубоких бороздах жирно поблескивала рыжая глина. Следы копыт, полосы от волочённых брёвен. Видать, именно тут тянут лес на стройку. Жилами мертвецов торчали иссохшие корни деревьев.

Аглая спустилась вниз, тяжело перебираясь через выдолбленные ямы да кочки. Пахло гнилью и сыростью. И холод тут стоял не по погоде – тянуло от земли, как из могилы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.